

алов и традиций, заключенных в эпосе. О живучести героических идеалов «варварской эпохи» свидетельствует христианская поэзия на германских языках. Так, в поэме «Хелианд» («Спаситель»), созданной в Саксонии в начале IX в., евангельское сказание о страстях господних превратилось в историю о воинственном конунге — Христе и его апостольской дружине. Борьба между силами добра и зла представлена в ней не конфликтом двух принципов, а вооруженной враждой. «Агнец божий» превратился в «славного вождя», раздающего не благословения, а щедрые подарки. Вера в Спасителя истолковывается как верность дружинников вождю. Сатана оказывается воплощением неверности, а Иуда — нарушителем присяги¹.

Известный исследователь средневековой культуры А. Я. Гуревич пишет: «Воинственному конунгу, бесстрашному герою, побеждающему и погибающему на поле битвы, верному дружиннику, который служит своему господину за подаренные ему оружие и запястья, клирики должны были противопоставить святого — праведника, воплощающего иные, прямо противоположные эталоны поведения... святой выступает в качестве идеального образцового христианина, носителя всех моральных достоинств: доброта и бескорыстие, милосердие и любовь к ближнему, всепрощение и смирение... В конечном счете благочестивый облик святого восходил к евангельскому образцу — жизнь святого так или иначе всегда есть "подражание Христу"... Не меньшее впечатление на массу должна была производить и та сторона личности святого, в которой его святость обретала особенно наглядное и, главное, действенно-активное проявление, — его способность творить чудеса... Из житий с полной ясностью следует, что в облике святого народ чтит преисполненного благодати и милосердия и увенчанного нимбом мага»².

Парадокс соединения, противоречивого синтеза языческого и христианского мировоззрения находил выражение в компромиссе — в допущении магии в систему христианства, в непрерывно возраставшем сонме святых. Дело в том, что сама личность святого заключала в себе

¹ Там же. С. 90-91.

² Там же. С. 91, 94.